

оно относится к области комплексной, историко-лингвистической проблематики и может быть использовано в наблюдениях над внешней динамикой этногенеза. Г. Лябуда в статье «Chorwacja Biała, czyli Wielka» (т. I, стр. 255) высказывает мнение, что эпитет *Великий*, *Великая* в названии стран чаще всего обозначает старую, прежнюю область обитания народа. Справедливо как раз обратное: *Великий*, *Великая* обычно употребляется для обозначения вторично заселенных областей для отличия от названия метрополии, которая (в отдельных случаях) уже после этого приобретает под давлением возникшего парного противопоставления эпитет *Малый*, *Малая*. Так объясняются названия *Великая Греция* — колонии на юге Италии и в Сицилии, *Великая Русь*, *Великороссия* — земли к северу и северо-востоку от собственной Руси (позднее получившей название *Малая Россия*, *Малороссия*), *Великопольша* — территории в основном к западу от среднего течения Вислы.

О. Н. Трубачев

G. V. Schulz. Studien zum Wortschatz
der russischen Zimmerleute und Bautischler.
Berlin—Wiesbaden, 1964
(=«Slavistische Veröffentlichungen», Bd 30),
XVIII + 229 стр.

Книга представляет собой диссертацию, автор которой — ученик Фасмера. Г. В. Шульц подготовил свое исследование на основе большого материала, о чем говорит предпосылаемая диссертации обширная библиография. Вместе с тем автор отдает себе отчет — и, очевидно, не без основания — в предварительном характере данной своей публикации (стр. 2). Это объясняется скорее недостаточной разработанностью данной области в науке. С Шульцем можно вполне согласиться, когда он говорит, что исследование языка ремесленников, как и в целом — исследование русской профессиональной и сословной терминологии — до настоящего времени не пользовалось должным вниманием ни в семасиологии, ни в этимологии (стр. 1).

Автор имеет правильное представление о своем сложном предмете, поэтому и общие его оценки (касающиеся вопросов не только языка, но и культуры), и собранные им материалы бесспорно вызывают серьезный интерес. Говоря о древнем характере плотничного дела у русских, а также о том, что у славян первоначально строительство и архитектура почти тождественны плотничному ремеслу, Шульц делает логичный вывод о важности плотничьей лексики для народного языка именно у русских.

Помимо основной, лингвистической части, книга Г. В. Шульца о терминологии русских плотников содержит также очерк истории русского плотничества, о котором мы не можем говорить подробно в данной лингвистической аннотации. Автору, во всяком случае, известны некоторые важнейшие реально-семантические связи в старой славянской производственной лексике. Так, он специально указывает на происхождение русского термина *плотник* от лексики плетения, что находит объяснение в древней технике (стр. 22).

Анализ плотничьей терминологии в русском языке естественно распадается на анализ старых, славянских ее элементов, которые характеризуются автором довольно бегло, и анализ заимствований относительно недавнего времени, среди которых преобладают разнообразные факты влияния немецкого языка, несущие в ряде случаев следы польского посредства.

Большую часть работы (стр. 39—217) занимает раздел «Лексика (с объяснениями и попытками этимологизации) в алфавитном порядке» — своего рода этимологический словарь русской плотничьей терминологии. Этот раздел должен был заинтересовать нас больше всего. Автор говорит, что в отдельных случаях он предлагал новые этимологии слов (стр. 4). Но в огромном большинстве случаев он оставался верен точке зрения своего учителя. Зна-

комство с алфавитным словарем убеждает в том, что этимологизация сделана в соответствии со словарем Фасмера или нередко вообще исчерпывается ссылкой на него. Этот разумный принцип вызывает досаду лишь в тех примерах, когда повторяются также и ошибки Фасмера. Так, вслед за Фасмером в книге рассматривается *vékša* 'блок' и *vékša* 'белка' в качестве искомого слова (стр. 48), тогда как это — несомненное заимствование из финно-угорских языков.

Формально-лингвистический анализ в тех моментах, в которых он принадлежит самому Шульцу, обнаруживает подчас слабость. Так, едва ли вообще можно говорить об ассимиляции по звонкости *sv- > zv-*, которую автор предполагает в диал. (калуж.) *звиртіло*. Его объяснение данного слова из **свертило* (стр. 80) невозможно. Это южновеликорусское название небольшого сверла надо, вероятно, этимологизировать по-другому.

Не продолжая далее детальный разбор этимологий Шульца, мы хотели высказать общее замечание, касающееся всего словаря русской плотничьей терминологии и в какой-то мере всей книги Шульца. Автор достаточно учитывает фразеологию контекстов и семантику, но, как кажется, менее внимателен к словообразованию терминов. Вполне возможно, здесь сыграло свою роль и з о л и р у ю щ е е свойство словарной формы основной части исследования. Можно сказать, что в словообразовательном отношении исследуемые термины весьма разнообразны, хотя здесь преобладают активные, поздние модели. Во всяком случае общее между словами и их образованием было бы более очевидно и для исследователя и для читателей, если бы автор избрал другую форму изложения и анализа материала, группируя его по совокупностям и связям (как структурного, языкового плана, так и реального плана). Место алфавитного словаря терминов с их этимологиями мог с успехом занять в этом случае алфавитный индекс объясняемых слов. Нам кажется, что такое расположение материала диктуется соображениями методологии и спецификой самого материала.

Можно указать на отдельные пропуски слов. Так, в работе отсутствуют термины *кресло*, *красно* в плотничьих значениях, нет слова *фанера*; есть термины *забор*, *дверь*, *окно*, *форточка*, но по непонятным причинам отсутствует близкое семантически и интересное по образованию слово *калитка*. В остальном справедливость требует отметить, что работа выполнена Шульцем добросовестно, и самый факт публикации подобного исследования заслуживает положительной оценки.

О. Н. Трубачев

«Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské university»,
ročn. XIII, řada jazykovědná (A),
č. 12. Brno, 1964, 270 стр.

Рецензируемый здесь кратко новый том трудов философского факультета университета в Брно представляется нам интересным в ряде отношений. Прежде всего этот сборник фактически посвящен члену-корреспонденту Чехословацкой Академии наук профессору Вацлаву Махеку, которому в 1964 г. исполнилось 70 лет. Этой значительной дате в истории индоевропейской и славянской этимологии и сравнительной грамматики посвящена небольшая юбилейная статья, написанная брненским лингвистом А. Эрхартом. Особенный интерес вызывает составленный тем же автором список печатных работ В. Махека (стр. 8—15 настоящего сборника), насчитывающий 337 названий и охватывающий публикации с начала научной деятельности В. Махека — 1922 г. — вплоть до 1964 г. Внушительные размеры этимологической работы выдающегося ученого наглядно явствуют из этого перечня. Кстати, замечательна та свежесть и интенсивность, которая характеризует постановку и разработку Махеком этимологических проблем вплоть до последних статей, опубликованных им уже после 1960 г. Здесь, бесспорно, интересны и ценны